9

Плисский Н.

ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

СОСТАВИЛЪ
Н. ПЛИССКІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія И. П. Вощинскаго, Литейная № 35.
1883

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 9 сентября 1883 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

22-го Августа настоящаго 1883 года, Россія понесла великую невознаградимую утрату: скончался одинъ изъ ея наилучшихъ, честнѣйшихъ и даровитѣйшихъ гражданъ—Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Хотя значительную часть жизни Иванъ Сергѣевичъ прожилъ за границей, но никто изъ прочитавшихъ его многочисленныя произведенія, а тѣмъ болѣе изъ знавшихъ его лично не станетъ сомнѣваться въ томъ, что онъ былъ истиннымъ патріотомъ, горячо-любившимъ свою родину и твердо вѣровавшимъ въ ея будущее величіе, въ ея общечеловѣческое призваніе. Болѣе двадцати лѣтъ (со времени появленія въ свѣтъ его романа «Дворянское Гнѣздо», т. е. 1859 г.), Тургеневъ былъ выдающимся писателемъ и воспитателемъ русскаго общества, съ любовью и съ увлеченіемъ художественно выражавшимъ самыя задушевныя идеи развитія, надежды и стремленія этого общества.

Очень немногіе писатели пользовались такимъ общимъ сочувствіемъ и глубокимъ уваженіемъ, какими пользовался Иванъ Сергѣевичъ. Даже строгіе критики, какъ Бѣлинскій, почти восторженно отзывались о немъ. Компетентные зна-

токи и цѣнители беллетристики вообще очень лестно отзывались объ Иванѣ Сергѣевичѣ. Для примѣра приведу отзывъ одного изъ составителей учебниковъ новой русской литературы—П. В. Евстафіева: «Тургеневъ, одно время любимѣйшій изъ современныхъ писателей, владѣетъ необыкновеннымъ даромъ наблюдательности, горячимъ чувствомъ любви къ своимъ героямъ, живымъ участіемъ къ современности, поэтическимъ изображеніемъ впечатлѣній русской природы и типическимъ воспроизведеніемъ быта помѣщиковъ и крестьянъ*).»

Тургеневъ замѣчательнѣйшій поэтъ-художникъ: его даже прозаическія описанія природы полны поэзіи и художественной изобразительности представляютъ вполнѣ законченныя, блестящія, высоко-художественныя и увлекательныя картины. Таковы, напримѣръ, его описанія іюльскаго дня въ деревнѣ, въ разсказѣ «Бѣжинъ лугъ», составляющемъ часть «Записокъ охотника», таковы нѣкоторыя изъ описаній, заключающихся въ разсказахъ «Лѣсъ и Степь», «Поѣздка въ Полѣсье» и многіе другіе.

Одна изъ величайшихъ заслугъ Тургенева заключается въ отсутствіи порнографіи и тривіальности. Каждое его произведеніе, хотя не заключаетъ въ себѣ тенденціозной, школьной морали, а полно художественности и жизненной правды,—благонамѣренно, проникнуто душевной теплотой и любовью ко всему благородному, прекрасному, возвышенному. Изъ «Дворянскаго гнѣзда», напри-

*) «Новая русская литература» (Отъ Петра до настоящаго времени). Учебникъ для институтовъ, гимназій и учит. семинарій. Составилъ П. В. Евстафіевъ. Изданіе второе. 1877 г. (стр. 394-я).

мѣръ, всякій почти сдѣлаетъ слѣдующіе выводы: жажда личнаго счастія и эгоистичныхъ наслажденій—обманчива; она не только не даетъ счастія, но не можетъ доставить продолжительнаго довольства жизнію; поверхностное, одностороннее воспитаніе и образованіе, которыя давались въ то время дворянамъ, не могли развить въ нихъ самостоятельный, дѣятельный характеръ, не могли дать прочныя, нравственныя правила, а скорѣе служили душевнымъ вывихомъ, какъ выражался Лаврецкій. Прекрасенъ и глубоко прочувствованъ эпилогъ Дворянскаго Гнѣзда, въ которомъ Тургеневъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «Лаврецкій самъ-бы не узналъ себя, если-бъ могъ взглянуть на себя, какъ онъ мысленно взглянулъ на Лизу. Въ теченіи этихъ восьми лѣтъ совершился, наконецъ, переломъ въ его жизни, тотъ переломъ, котораго многіе не испытываютъ, но безъ котораго нельзя остаться порядочнымъ человѣкомъ до конца: онъ дѣйствительно *пересталъ думать о собственномъ счастіи,* о своекорыстныхъ цѣляхъ. Онъ утихъ и—къ чему таить правду? постарѣлъ не однимъ лицомъ и тѣломъ, постарѣлъ душою; сохранить до старости сердце молодымъ, какъ говорятъ иные, и трудно и почти смѣшно; тотъ уже можетъ быть доволенъ, кто не утратилъ вѣры въ добро, постоянства воли, охоты къ дѣятельности. Лаврецкій имѣлъ право быть довольнымъ: онъ сдѣлался дѣйствительно хорошимъ хозяиномъ, дѣйствительно выучился пахать землю и трудился не для одного себя; онъ, на сколько могъ, обезпечилъ и упрочилъ бытъ своихъ крестьянъ... «Грустно стало ему на сердцѣ (при воспоминаніи прошлой жизни), но не тяжело

и не прискорбно: сожалѣть ему было о чемъ, стыдиться—нечего». Ни одинъ изъ нашихъ народныхъ писателей не очерчивалъ полнѣе и художественнѣе простонародные типы, какъ Тургеневъ, познакомившій насъ съ мужиками-практиками, каковы Хорь и однодворецъ Овсяниковъ, и съ поэтическими чисто русскими натурами: съ Калинычемъ и Касьяномъ.

Тургенева высоко цѣнили даже многіе иностранныя знаменитости; доказательствомъ этого служитъ, напримѣръ, то обстоятельство, что на виллѣ въ Баденъ-Баденѣ, подаренной имъ знаменитой пѣвицѣ Віардо-Гарсіи, Тургенева посѣтили германскій Императоръ Вильгельмъ и князь Бисмаркъ, а во время болѣзни его важнѣйшіе и знаменитѣйшіе изъ современныхъ французовъ, часто освѣдомлялись о состояніи его здоровья. Тургеневъ и самъ писалъ кое-что на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ и многія его сочиненія, написанныя имъ только по-русски, переведены на всѣ важнѣйшіе европейскіе языки и удостоены не менѣе лестными отзывами иностранныхъ критиковъ и филологовъ, чѣмъ упомянутые нами русскіе отзывы.

Хотя Тургеневъ и былъ «западникомъ», но это не мѣшало ему быть истинно-русскимъ, болѣе чѣмъ многіе изъ нашихъ соотечественниковъ, не выѣзжавшіе изъ предѣловъ Россіи и незнакомые съ жизнью западной Европы. Въ его «Воспоминаніяхъ» и въ многочисленныхъ письмахъ его къ нашему маститому поэту Я. П. Полонскому и ко многимъ другимъ, виденъ не тотъ квасный, курьезный патріотизмъ, который заставилъ Н. М. Карамзина воскликнуть: «И дымъ отечества намъ

сладокъ и пріятенъ!» а лишенный тенденціозности и преувеличенія патріотизмъ вполнѣ развитаго и глубоко образованнаго человѣка, съ примѣсью гоголевскаго юмора, высшій образецъ котораго представляетъ Тургеневскій Шубинъ въ разсказѣ «Наканунѣ».

Считаемъ не лишнимъ напомнить здѣсь, буквально, отзывы о Тургеневѣ нашего величайшаго критика Бѣлинскаго. Характеризуя Тургенева, Бѣлинскій говоритъ о немъ слѣдующее: Я нѣсколько сблизился съ Тургеневымъ. Это необыкновенно умный, да и вообще хорошій человѣкъ. Бесѣда и споры съ нимъ отводили мнѣ душу. Тяжело быть среди людей, которые или совсѣмъ соглашаются съ тобой, или, если противорѣчатъ, то не доказательствами, а чувствами и инстинктомъ,—и отрадно встрѣтить человѣка, самобытное и характерное мнѣніе котораго, сшибаясь съ твоимъ, извлекаетъ искры. У Тургенева много юмору. Я кажется уже писалъ тебѣ, что разъ, въ спорѣ противъ меня за нѣмцевъ, онъ сказалъ мнѣ: «Да что вашъ русскій человѣкъ, который не только шапку, да и мозгъ-то свой носитъ набекрень!» Вообще Русь онъ понимаетъ. Во всѣхъ его сужденіяхъ видны характеръ и дѣйствительность. Онъ врагъ всего неопредѣленнаго, къ чему я, по слабости характера и неопредѣленности натуры и дурнаго развитія, довольно падокъ.

Г. Пыпинъ въ «Вѣстникѣ Европы», 1875 г., въ біографіи Бѣлинскаго, сообщаетъ нѣсколько интересныхъ отзывовъ послѣдняго о Тургеневѣ.

Приведемъ одинъ изъ нихъ: «Тургеневъ очень

хорошій человѣкъ и я легко сближаюсь съ нимъ. Въ немъ есть злость, и желчь, и юморъ; онъ глубоко понимаетъ Москву и такъ воспроизводитъ ее, что я пьянѣю отъ удовольствія... Тургеневъ немного нѣмецъ, въ томъ смыслѣ какъ и Б.».

Три года назадъ, въ Москвѣ, я имѣлъ удовольствіе бесѣдовать съ Иваномъ Сергѣевичемъ и онъ произвелъ на меня очень отрадное впечатлѣніе. Несмотря на свои 62 года, онъ прекрасно сохранялъ еще всѣ способности, былъ добродушно веселъ, остроуменъ, любезенъ и находчивъ; воспоминаніе о нашемъ кратковременномъ знакомствѣ принадлежитъ къ числу немногихъ изъ пріятнѣйшихъ воспоминаній моей жизни. Зная, что незадолго до того времени, съ Иваномъ Сергѣевичемъ случилась большая непріятность и, припоминая только что приведенный отзывъ Бѣлинскаго, я съ удивленіемъ подумалъ: «Неужели годы и болѣзни, перенесенныя маститымъ писателемъ, вмѣсто того, чтобы усилить, какъ обыкновенно бываетъ, уничтожили злость и желчь, о которыхъ говоритъ Бѣлинскій?!». Многіе изъ моихъ знакомыхъ, хорошо знавшіе Ивана Сергѣевича, единодушно отзывались о немъ, какъ объ очень добромъ, благотворительномъ и вообще очень хорошемъ человѣкѣ.

ГЛАВА I.

Происхожденіе и родители Тургенева.—Дѣтство его и юность.—Обученіе дома, въ пансіонѣ, въ университетахъ: Московскомъ и Петербургскомъ.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ происходитъ отъ очень старпннаго дворянскаго рода: генеологія послѣдняго доходитъ до времени существованія Золотой Орды, какъ самостоятельнаго государства; но, несмотря на древность ихъ рода и на то, что нѣкоторые изъ предковъ Ивана Сергѣевича фигурировали на видныхъ мѣстахъ въ русской исторіи, отецъ его, кавалерійскій полковникъ Сергѣй Николаевичъ Тургеневъ, былъ очень небогатый человѣкъ до женитьбы на матери Ивана Сергѣевича, Варварѣ Петровнѣ Лутовиновой, за которой онъ взялъ значительное приданое, состоявшее главнымъ образомъ изъ родоваго имѣнія Лутовиновыхъ, села Спасскаго-Лутовинова, Орловской губерніи, Мценскаго уѣзда. Отъ этого брака 28 октября 1818 года родился Иванъ Сергѣевичъ въ губ. городѣ Орлѣ. Первые три года его жизни, Иванъ Сергѣевичъ провелъ въ имѣніи матери, а въ 1822 году вмѣстѣ съ родителями и старшимъ братомъ, Николаемъ, отправился за-границу. Будучи еще ребенкомъ, Тургеневъ побывалъ съ родителями въ Германіи, Швейцаріи и во Франціи. Во время пребыванія его въ Бернѣ, бойкій мальчикъ едва не сталъ жертвой своей любознательности: желая

заглянуть въ медвѣжью яму, онъ чуть не упалъ туда, но, къ счастію, отецъ его успѣлъ схватить многообѣщавшаго сынка; вскорѣ послѣ того послѣдній заболѣлъ до того опасно, что съ него снимали уже мѣрку для гроба. Когда онъ выздоровѣлъ, то, по возвращеніи домой, къ нему приставлены были иностранные воспитатели, вслѣдствіе чего онъ въ дѣтствѣ еще выучился французскому и нѣмецкому языкамъ. Учить ребенка русскому языку считали излишнимъ и, ознакомившись уже нѣсколько съ иностранными литературами, Иванъ Сергѣевичъ получилъ первоначальное понятіе о русской литературѣ отъ камердинера его матери, читавшаго и объяснявшаго ему поэму М. М. Хераскова «Россіаду». По выраженію Тургенева, камердинеръ, ставшій педагогомъ ex-promptu, читалъ ему украдкой, повторяя каждый стихъ на-черно, потомъ на-бѣло.

Болѣе точное понятіе объ этомъ курьезномъ преподаваніи, мы можемъ получить, прочитавши слѣдующее описаніе Пунина въ повѣсти Тургенева «Пунинъ и Бабуринъ»: Пунинъ преимущественно придерживался стиховъ звонкихъ, многошумныхъ стиховъ; душу свою онъ готовъ былъ положить за нихъ! Онъ не читалъ, онъ выкрикивалъ ихъ торжественно, заливчато, закатисто, въ носъ, какъ опьянѣлый, какъ изступленный, какъ Пиѳія! И вотъ еще какая за нимъ водилась привычка: сперва прожужжитъ стихъ тихо, вполголоса, какъ-бы бормоча... это онъ называлъ читать на-черно; потомъ уже грянетъ тотъ-же самый стихъ на-бѣло и вдругъ вскочитъ, задрожитъ... Такимъ образомъ мы прошли съ нимъ не только Ломоносова, Сумарокова, Кантеміра (чѣмъ старѣе были стихи, тѣмъ больше они приходились Пунину по вкусу); но даже «Россіаду» Хераскова! И, правду говоря, она-то, эта самая Россіада меня въ особенности восхитила. Тамъ, между про-

чимъ, дѣйствуетъ одна мужественная татарка, великанша-героиня, теперь я самое имя ее позабылъ, а тогда у меня и руки и ноги холодѣли, какъ только оно упоминалось! «Да! говаривалъ, бывало, Пунинъ, значительно кивая головой; Херасковъ—тотъ спуску не даетъ; иной разъ такой выдвинетъ стишокъ; просто зашибетъ! только держись!.. Ты его только постигнуть желаешь, а ужъ онъ—вонъ гдѣ! И трубитъ, трубитъ—аки кимвалонъ!—За то ужъ и имя ему дано! Одно слово—Херрасковъ»! Къ произведеніямъ Ломоносова Пунинъ относился укоризненно, упрекая его въ слишкомъ простомъ и вольномъ слогѣ, а о Державинѣ отзывался почти враждебно и утверждалъ, что тотъ былъ болѣе царедворецъ, чѣмъ піита».

Въ 1830 году Тургенева отвезли въ Москву и на двѣнадцатомъ году жизни отдали его въ частный пансіонъ Вейденгаммера. Въ гимназіи, въ то время, очень немногіе дворяне отдавали своихъ дѣтей и почти всѣ состоятельные люди предпочитали отдавать дѣтей въ частные пансіоны, приготовлявшіе своихъ питомцевъ къ поступленію въ высшія учебныя заведенія. У Вейденгаммера Тургеневъ недолго оставался, а перешелъ вскорѣ въ пансіонъ директора Армянскаго Лазаревскаго института—Краузе. Въ пансіонѣ послѣдняго былъ очень порядочный составъ учителей; Иванъ Сергѣевичъ съ признательностью упоминаетъ преимущественно о трехъ изъ нихъ: П. Н. Погорѣльскомъ, преподававшимъ математику; И. П. Клюшниковѣ, читавшемъ лекціи исторіи и о Д. Н. Дубенскомъ—преподавателѣ русской словесности.

Въ то время, вообще, по остроумному выраженію Пушкина, дворяне получали *французско-нижегородское* воспитаніе, которое хотя тѣмъ хорошо было, что давало основательныя познанія во французскомъ языкѣ,

а нерѣдко и въ нѣмецкомъ и даже въ англійскомъ. Такъ какъ Тургеневъ, при поступленіи въ пансіонъ, зналъ уже довольно хорошо французскій и нѣмецкій языки, то въ пансіонѣ ему не трудно было расширить свои лингвистическія познанія изученіемъ англійскаго языка. Новые языки вообще очень легко давались нашему знаменитому беллетристу: онъ въ совершенствѣ владѣлъ ими и вполнѣ свободно и правильно изъяснялся на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ, какъ устно, такъ и печатно. Онъ написалъ впослѣдствіи нѣсколько разнообразныхъ произведеній для иностранныхъ журналовъ на всѣхъ упомянутыхъ языкахъ.

Основательное знаніе языковъ много облегчило Тургеневу прохожденіе курса пансіона, а потомъ и университета, такъ какъ въ тридцатыхъ годахъ въ Россіи очень мало было порядочныхъ учебниковъ на русскомъ языкѣ, не только оригинальныхъ, но и переводныхъ, вслѣдствіе чего человѣкъ, желавшій изучить какую бы то ни было отрасль научныхъ знаній, долженъ былъ обращаться къ иностраннымъ источникамъ. Пониманіе послѣднихъ было для Тургенева доступнѣе, чѣмъ русскихъ, а потому онъ имѣлъ полную возможность познакомиться со всѣми интересовавшими его произведеніями западной культуры; полное же ознакомленіе съ нею сдѣлало Ивана Сергѣевича западникомъ, что не уменьшило его любви къ родинѣ, а только пробудило въ немъ сильное желаніе привить эти лучшія формы гражданственности къ его отечеству.

Изъ пансіона Краузе въ 1834 году, т. е. на шестнадцатомъ году отъ роду, Тургеневъ поступилъ студентомъ на словесный или же историко-филологическій факультетъ Московскаго университета; но въ послѣднемъ онъ пробылъ очень недолго: смерть отца его, побудила Ивана Сергѣевича въ слѣдующемъ (1835)

году перейти на тотъ же факультетъ Петербургскаго университета.

Въ то время положеніе Петербургскаго университета въ научномъ отношеніи было далеко не блестящее: хотя новымъ тогда уставомъ 1835 года и было нѣсколько поднято его значеніе и старались загладить грустные слѣды, оставленные хозяйничаньемъ Рунича и компаніи, желавшихъ побудить петербургскихъ студентовъ выказать свое негодованіе и протестъ подобнымъ образомъ, какъ незадолго до того выказали студенты Казанскаго университета, но все-таки петербургская alma-mater была очень далека отъ того идеала, къ которому должна была стремиться, какъ важнѣйшій университетъ обширнѣйшаго изъ европейскихъ государствъ. Тогда въ Петербургскомъ университетѣ не было ни одного профессора, который пользовался бы громкой, лестной извѣстностью, пріобрѣтенной на поприщѣ науки и много способствующей обаянію самыхъ наукъ на впечатлительное юношество, на будущихъ дѣятелей. Вслѣдствіе безотвѣтности состава профессуры, молодыя силы не испытывали жажды славы, наклонность ихъ къ научной дѣятельности не подогрѣвалась, а ослабѣвала, а потому по окончаніи курса въ университетѣ, они большею частью принимались за дѣятельность, не имѣвшую ничего общаго съ курсомъ, который они прошли.

Профессора факультета, въ который поступилъ Тургеневъ, даже лекціи свои читали, большею частью, по какимъ-нибудь русскимъ или иностраннымъ учебникамъ. Къ экзаменамъ изъ тѣхъ учебниковъ составляли конспекты, выучивали ихъ и, выдерживая экзаменъ, очень скоро забывали почти все, что изучали впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Наиболѣе выдающимися изъ тогдашнихъ профессоровъ Петербургскаго уни-

верситета были профессоръ всеобщей исторіи М. С. Куторга, лекціи котораго, по отзывамъ современниковъ, были такою-же живительной и плодотворной новостью, какъ чтенія брата его С. С. Куторги по каѳедрѣ зоологіи, и профессоръ русской исторіи Устряловъ, хорошо изучившій свой предметъ, но тогда ограничивавшійся передачей однихъ лишь историческихъ фактовъ, не обобщая ихъ даже, вслѣдствіе того, что принадлежалъ къ археологической школѣ, непризнающей никакихъ другихъ источниковъ, кромѣ архивной пыли; Устряловъ, подобно Карамзину, былъ историкомъ русскаго государства. Древніе языки проходились въ Петербургскомъ университетѣ столь плохо, что Тургеневъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, сознавался, что впослѣдствіи, когда онъ слушалъ въ Берлинѣ лекціи нѣмецкихъ профессоровъ по словесности древнихъ языковъ, то принужденъ былъ подзубривать дома латинскую и греческую грамматики, хотя онъ раньше сдалъ кандидатскій экзаменъ и по этимъ предметамъ, будучи далеко не изъ послѣднихъ. Однимъ изъ самыхъ уважаемыхъ и любимыхъ профессоровъ того времени былъ Плетневъ, другъ Пушкина, не отличавшійся большими познаніями и краснорѣчіемъ, но бывшій очень добрымъ человѣкомъ, вокругъ котораго сосредоточивался весь цвѣтъ тогдашней литературы, что отзывалось и на его лекціяхъ и доставило ему любовь студентовъ, выносившихъ изъ его лекцій гораздо болѣе развитія, чѣмъ знанія.

Тургеневъ былъ очень друженъ съ Плетневымъ, приглашавшимъ его къ себѣ на литературные вечера; общество передовыхъ, даровитѣйшихъ литераторовъ, собиравшееся у Плетнева, не мало содѣйствовало развитію Ивана Сергѣевича.

Въ 1837 году И. С. Тургеневъ окончилъ курсъ Петербургскаго Университета, на 19-мъ году, со сте-

пенью дѣйствительнаго студента. Сознавая, что по развитію и разнообразію своихъ познаній онъ стоялъ выше большинства получившихъ степень кандидата, Иванъ Сергѣевичъ не могъ довольствоваться низшею степенью и въ 1838 году выдержалъ экзаменъ на кандидата.

ГЛАВА II.

Первые литературные опыты Тургенева. — Поступленіе Тургенева въ Берлинскій университетъ и жизнь заграницей въ 1838—40 гг. — Сотрудничество Тургенева въ «Отечественныхъ Запискахъ» и въ «Современникѣ». — Объяснительное письмо Тургенева къ Венгерову. — Стихотворенія Тургенева вообще.

Первыми литературными трудами Тургенева были: фантастическая драма «Стеніо», которую онъ написалъ будучи еще студентомъ 2-го курса, и стихотвореніе «Старый Дубъ», напечатанное Плетневымъ въ «Современникѣ». Плетневъ очень много содѣйствовалъ развитію творческаго таланта Тургенева и однажды, напримѣръ, когда будущій знаменитый беллетристъ, а въ то время еще очень юный студентъ, написалъ длинное и плохое подражаніе Байрону и далъ Плетневу для просмотра, добродушный профессоръ, хотя безпристрастно высказалъ нелестное для юноши сужденіе о пьесѣ, но совѣтовалъ Тургеневу продолжать, увѣряя, что въ немъ «что-то такое есть».

Вскорѣ по полученіи степени кандидата, въ 1838 г., Тургеневъ отправился заграницу, съ цѣлью удовлетворить свою любознательность и закончить образованіе, которое признавалъ недостаточнымъ. Во время этого втораго путешествія заграницу, Тургеневъ снова едва не сталъ жертвою пожара на пароходѣ «Николай I»,

близь Любека. Потомъ Иванъ Сергѣевичъ поступилъ въ Берлинскій университетъ и слушалъ тамъ лекціи впродолженіи трехъ семестровъ. По его словамъ, онъ вынесъ наиболѣе вліятельное впечатлѣніе отъ лекцій Вердера — по философіи Гегелевой, Цумпта и Бока — по греческой и латинской словесностямъ, Ганса и Ранке— по исторіи.

Возвратясь потомъ въ Россію, Тургеневъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ того времени и прекрасно подготовленнымъ къ литературной дѣятельности; онъ въ подлинникахъ, большею частію, ознакомился съ лучшими европейскими писателями и усвоилъ себѣ философское движеніе того времени, слушая лекціи руководителей этого движенія. Несмотря на то, что онъ былъ значительно моложе большей части русскихъ литераторовъ того времени, онъ и тогда несомнѣнно пріобрѣталъ благотворное вліяніе на нихъ, благодаря превосходству его таланта и развитія, а также и многостороннему знакомству его съ наукою и литературой запада. Въ 1841 году Тургеневъ поступилъ на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, подъ начальство Даля; но черезъ годъ съ небольшимъ вышелъ въ отставку.

Еще до поѣздки въ Германію, Тургеневъ былъ «западникомъ» по его собственному сознанію, а вырвавшись изъ тѣсной клѣтки тогдашняго строя русской жизни (по удачному выраженію г. Венгерова) и попавши на свободное раздолье европейской цивилизаціи, онъ не могъ не укрѣпиться въ своемъ западничествѣ; превосходство запада, во многихъ отношеніяхъ, было слишкомъ ясно для каждаго и поверхностнаго даже, по безпристрастнаго наблюдателя. Чтобы покороче ознакомиться съ образомъ мыслей Тургенева въ то время и душевнымъ настроеніемъ его, приводимъ нѣсколько

строкъ изъ его «Воспоминаній» выясняющихъ причину отъѣзда его заграницу.

«Каждый изъ насъ точно также чувствовалъ, что его земля (я говорю не объ отечествѣ вообще, а о нравственномъ и умственномъ достояніи каждаго) велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ. Могу сказать о себѣ, что лично я весьма ясно сознавалъ всѣ невыгоды подобнаго отторженія отъ родной почвы, подобнаго насильственнаго перерыва всѣхъ связей и нитей, прикрѣплявшихъ меня къ тому быту, среди котораго я выросъ, но дѣлать было нечего. Тотъ бытъ, та среда, и особенно та полоса ея, если можно такъ выразиться, къ которой я принадлежалъ—полоса помѣщичья, крѣпостная, не представляла ничего такого, что могло-бы удерживать меня. Напротивъ, почти все, что я видѣлъ вокругъ себя, возбуждало во мнѣ чувство смущенія, негодованія, отвращенія, наконецъ. Долго колебаться я не могъ. Надо было либо покориться и смиренно побрести общей колеей, по избитой дорогѣ, либо отвернуться разомъ, оттолкнуть отъ себя всѣхъ и вся, даже рискуя потерять многое, что было дорого и близко моему сердцу. Я такъ и сдѣлалъ... Я бросился внизъ головою въ Нѣмецкое море, долженствовавшее очистить и возродить меня и когда, наконецъ, вынырнулъ изъ его волнъ—я все-таки очутился западникомъ и остался имъ навсегда. Мнѣ и въ голову не можетъ придти осуждать тѣхъ изъ моихъ современниковъ, которые другимъ, менѣе отрицательнымъ путемъ достигли той свободы и того сознанія, къ которымъ я стремился... Я хочу только заявить, что я другого пути передъ собою не видѣлъ. Я не могъ дышать однимъ воздухомъ, оставаться рядомъ съ тѣмъ, что я возненавидѣлъ; для этого у меня, вѣроятно, недоставало надлежащей выдержки, твердости характера. Мнѣ необходимо нужно было удалиться отъ

моего врага, затѣмъ, чтобы изъ самой моей доли сильнѣе напасть на него. Въ моихъ глазахъ врагъ этотъ имѣлъ опредѣленный образъ, носилъ извѣстное имя: врагъ этотъ былъ крѣпостное право. Подъ этимъ именемъ я собралъ и сосредоточилъ все, противъ чего я рѣшился бороться до конца, съ чѣмъ я поклялся никогда не примиряться... Это была моя аннибаловская клятва, и я не одинъ далъ ее себѣ тогда. Я и не думаю, чтобы мое западничество лишило меня всякаго сочувствія къ русской жизни, всякаго пониманія ея особенностей, ея нуждъ. «Записки Охотника», эти въ свое время новые, впослѣдствіи далеко опереженные этюды, были написаны мной заграницей; нѣкоторые изъ нихъ, въ тяжелыя минуты раздумья о томъ, вернуться ли мнѣ на родину или нѣтъ? Мнѣ могутъ возразить, что та частичка русскаго духа, которая въ нихъ замѣчается, уцѣлѣла не по милости моихъ западныхъ убѣжденій, но несмотря на эти убѣжденія и помимо моей воли».

Прочтя внимательно эти задушевныя строки изъ воспоминаній нашего талантливаго беллетриста, каждый легко пойметъ, почему Тургеневъ не могъ долго прожить въ Россіи и чувствовалъ нерѣдко, вскорѣ по возвращеніи на родину, непреодолимое стремленіе снова уѣхать поскорѣе

«Dahin, dahin wo die Zietronen blühen»

и едва ли кто-либо сможетъ осудить его за это весьма понятное и простительное западничество.

Вскорѣ по возвращеніи изъ перваго самостоятельнаго путешествія заграницу, Иванъ Сергѣевичъ выступилъ на литературное поприще, изъ скромности все еще прикрываясь псевдонимомъ. Въ 1841 году въ «Отечественныхъ Запискахъ» напечатаны были его стихотворенія «Старый помѣщикъ» и «Баллада» даже

совсѣмъ безъ подписи, а въ 1842 г., въ «Современникѣ» напечатанъ капитальный трудъ Тургенева, поэма въ стихахъ «Параша» подписанная буквами Т. Л. (то-есть Тургеневъ-Лутовиновъ). Эта поэма тогда же напечатана была отдѣльно и очень понравилась читателямъ, мнѣніе которыхъ раздѣлялъ и Бѣлинскій, судя по его критическому отзыву въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1842 г. № 12). Почти въ тоже время въ «Отечественныхъ Запискахъ» напечатано стихотвореніе Ивана Сергѣевича «Похищеніе», а въ 1843 г., въ томъ же журналѣ, стихотворенія: «Цвѣтокъ», «Нева», «Осенній вечеръ», «Когда съ тобой растался я», «Человѣкъ какихъ много» и драматическій очеркъ въ 1 дѣйствіи «Неосторожность». Всѣ эти произведенія, не выключая и поэмы «Попъ», остающейся не изданною и исполненной юношеской игривости, но нѣсколько вольной, все болѣе и болѣе способствовали сближенію Тургенева съ Бѣлинскимъ. Первое изъ капитальныхъ произведеній Тургенева, доставившихъ ему общественную славу и вмѣстѣ съ тѣмъ первый изъ очерковъ «Записокъ охотника» подъ названіемъ «Хорь и Калиныч», былъ помѣщенъ въ смѣси первой книги «Современника» 1847 года, возобновленнаго Некрасовымъ и Панаевымъ. Въ то время Тургеневъ не бросалъ еще писанія стиховъ и нѣсколько поэтическихъ произведеній его напечатаны въ «Современникѣ» 1847 года, а довольно большая юмористическая поэма его, написанная бойкимъ и живописнымъ стихомъ, «Помѣщикъ» и иллюстрированная художникомъ Агинымъ, явилась въ «Петербургскомъ Сборникѣ» 1846 г., издававшемся Некрасовымъ. Эта поэма имѣетъ много общаго съ «Записками охотника». Иванъ Сергѣевичъ трудился отчасти вслѣдствіе необходимости увеличить средства къ жизни, такъ какъ безъ гонорара, они были бы недостаточными для

приличнаго образа жизни. Въ отвѣтъ на письмо г. Венгерова къ Ивану Сергѣевичу Тургеневу, въ которомъ первый просилъ объяснить ему откровенно, почему онъ, вопреки его борьбѣ за освобожденіе крестьянъ, по смерти его отца, не освободилъ своихъ крѣпостныхъ, отвѣчалъ слѣдующее: «Я сегодня получилъ Ваше письмо. Отвѣчу откровенно на Вашъ откровенный вопросъ».

«Отецъ мой скончался 30 октября 1834 года. Мнѣ всего было тогда 16 лѣтъ. Ненависть къ крѣпостному праву уже тогда жила во мнѣ—она, между прочимъ, была причиной тому, что я возросшій среди побоевъ и истязаній, не осквернилъ руки своей ни однимъ ударомъ. Но, до «Записокъ охотника» было далеко. Я былъ просто мальчикъ, чуть не дитя. Къ тому же отецъ мой былъ человѣкъ бѣдный, онъ оставилъ всего 130 душъ разстроенныхъ и недававшихъ дохода, а насъ было трое братьевъ. Имѣніе моего отца слилось съ имѣніемъ моей матери, которая одна давала намъ, а иногда, и отнимала у насъ средства къ жизни. Ни ей, ни намъ и въ голову не приходило, что это ничтожное имѣніе (я говорю про отцовское) не ея. Я прожилъ три года заграницей, не получилъ отъ нее ни копѣйки и все-таки не подумалъ истребовать свое наслѣдство; впрочемъ это наслѣдство, за вычетомъ того, что слѣдовало моей матери, какъ вдовѣ, и того, что приходилось на долю братьевъ, не многимъ превысило бы нуль».

«Когда же матушка скончалась въ 1850 г. я немедленно отпустилъ всѣхъ дворовыхъ на волю, пожелавшихъ крестьянъ перевелъ на оброкъ, всячески содѣйствовалъ успѣху общаго освобожденія, при выкупѣ вездѣ уступилъ пятую часть и въ главномъ имѣніи не взялъ ничего за усадебную землю, что составляло крупную сумму. Другой быть можетъ на моемъ мѣстѣ сдѣлалъ бы больше и скорѣе; но я обѣщалъ сказать правду

и говорю ее, какова она есть. Хвастать ею нечего; но и безчестія она, я полагаю, принести не можетъ *). Относительно юношескихъ стихотвореній Тургенева должно сознаться, что они во всѣхъ отношеніяхъ стоятъ несравненно выше его «Стихотвореній въ прозѣ», напечатанныхъ въ настоящемъ году, въ «Вѣстникѣ Европы».

---

*) Русская литература въ ея современныхъ представителяхъ. Критико-біографическія этюды Семена Венгерова. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Спб. 1875 г., стр. 100.

ГЛАВА III.

Поэмы «Андрей» и «Разговоръ», Мелкія стихотворенія Тургенева: въ «Отечественныхъ Запискахъ» послѣ 1842 года, Сборникѣ «Вчера и Сегодня» и въ «Современникѣ»; «Три портрета», «Бреттеръ», «Андрей Колосовъ», «Записки Охотника», «Статья по поводу кончины Гоголя», «Дворянское гнѣздо», «Наканунѣ», «Отцы и Дѣти», «Дымъ» и «Новь».

Кромѣ упомянутыхъ стихотвореній, въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1846 года, напечатана была еще большая поэма Тургенева «Андрей», почти незамѣченная рецензентами, но имѣвшая серьёзный успѣхъ въ читающей публикѣ, по увѣренію нѣкоторыхъ его поклонниковъ и «Разговоръ», тоже большая поэма, кажущаяся произведеніемъ горячаго приверженца романтической школы, которая не онѣгински разочарована въ жизни, а глубоко ненавидитъ жизнь, клеймитъ ее, презираетъ и проклинаетъ. Потомъ нѣсколько мелкихъ стихотвореній Тургенева разбросано было по «Отечественнымъ Запискамъ», Сборнику графа Соллогуба «Вчера и Сегодня», и по «Современнику», съ 1843 по 1847 годъ. Первыя прозаическія произведенія Тургенева «Андрей Колосовъ», «Три портрета», «Бреттеръ» и нѣкоторые другіе мелкіе очерки и разсказы появились въ 40-хъ годахъ и прошли почти незамѣченными. Всѣ эти произведенія много уступаютъ «Запискамъ Охотника» и большинству послѣдовавшихъ за послѣдними произведеній Тургенева. Въ нихъ ясно выступаетъ Лермонтовское миросозерцаніе, преимущественно недовольство пошлостью обыденной жизни.

Если-бы мы вздумали даже очень лаконически изложить содержаніе всѣхъ произведеній Ивана Сергѣевича, очертить значеніе его произведеній и каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ послѣднихъ, то мы исписали-бы цѣлые томы, такъ какъ Тургеневъ съ добросовѣстностью и любовью истиннаго художника, тщательно отдѣлывающаго малѣйшія детали изображаемой имъ картины, нерѣдко съ безукоризненно-художественной тщательностью описывалъ даже третьестепенныхъ лицъ своихъ многочисленныхъ произведеній, и умѣлъ сдѣлать типичными нѣкоторыя лица, почти промелькнувшія въ его произведеніяхъ.

Цѣль нашего труда познакомить съ Тургеневымъ публику, не любящую серьёзной русской беллетристики, а предпочитающую сказочные романы, переводимые изъ Понсонъ-дю-Терайля, Ксавье-де-Монтепена et tutti quanti.

Сочиненія Тургенева переведены почти на всѣ Европейскіе языки и повсюду имѣли громадный успѣхъ. «Neue freie Presse» называетъ его геніальнымъ; французы постоянно величаютъ «célèbre romancier», «écrivain tant aimé» и тому подобное; англичане и американцы издаютъ полное до мелочей собраніе его сочиненій и сравниваютъ его съ любимымъ ими Теккереемъ. Даже венгерцы, столь ненавидящіе все русское, не могутъ отказать себѣ въ удовольствіи насладиться произведеніями одного изъ лучшихъ представителей нелюбимаго ими народа.

Благодаря генію Тургенева и очень немногихъ другихъ русскихъ писателей, теперь никто изъ Западныхъ Европейскихъ народовъ не можетъ считать насъ полуварварами, какими еще въ 40-хъ годахъ нѣкоторые считали насъ.

Встрѣчаются, конечно, и у Тургенева крайне антипатичныя бездушныя личности, какъ напримѣръ: Мор-

дарій Аполлоновичъ Стигуновъ, герой разсказа «Два помѣщика» и Звѣрьковъ въ разсказѣ «Ермолай и Мельничиха»; но, не будь мрака и тѣней, не было-бы и свѣта, а у добрѣйшаго Ивана Сергѣевича и безъ того слишкомъ много свѣта въ его произведеніяхъ и только истинная художественность изображенія не допускаетъ васъ, во время чтенія замѣтить, что въ дѣйствительной жизни, къ сожалѣнію, гораздо болѣе мрака и несмотря на уничтоженіе крѣпостничества, противъ котораго съ жаромъ ратовалъ Тургеневъ, какъ противъ источника чуть не всѣхъ всероссійскихъ золъ, мы все еще слишкомъ далеки отъ возможнаго счастія и покоя.

Наиболѣе лестную и вполнѣ заслуженную извѣстность доставили Тургеневу его «Записки Охотника» и романы «Дворянское гнѣздо» и «Отцы и Дѣти». Первые состоятъ изъ сборника разсказовъ и очерковъ (25), содержащихъ множество прекрасныхъ характеристикъ вполнѣ художественныхъ изображеній и сценъ. Лучшіе изъ этихъ разсказовъ «Хорь и Калинычъ», «Касьянъ съ Красивой Мечи», «Однодворецъ Овсянниковъ», «Лѣсъ и Степь», «Бѣжинъ лугъ».

Во всѣхъ этихъ разсказахъ не мало превосходныхъ картинъ русской природы и не менѣе разнообразныхъ типовъ крестьянъ и помѣщиковъ: лица несомнѣнно взяты изъ дѣйствительной жизни и изображены съ большимъ знаніемъ среды, изъ которой они выведены и съ любовью, вслѣдствіе чего они производятъ на читателей глубокое впечатлѣніе.

Даже одно изъ старѣйшихъ въ Европѣ ученыхъ учрежденій—Оксфордскій университетъ—почтило Тургенева за его «Записки Охотника» званіемъ «doctor of commun law», т. е. доктора обычнаго права, принимая во вниманіе, что въ этихъ запискахъ Иванъ Сергѣевичъ доказалъ полное знаніе правовъ, обычаевъ, повѣрій и

т. п. тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ происходили разсказанныя имъ происшествія.

Вскорѣ послѣ «Записокъ Охотника», напечатанныхъ въ періодъ отъ 1846 до 1851 года, узнавши о смерти Гоголя, съ которымъ онъ былъ друженъ, Иванъ Сергѣевичъ написалъ статью по поводу смерти Гоголя и напечаталъ ее въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1852 г.; за эту статью онъ посаженъ былъ въ полицейскій домъ и потомъ отправленъ на жительство въ Спасское-Лутовиново, откуда ему разрѣшено было выѣхать не раньше 1854 г.

Съ того времени Иванъ Сергѣевичъ почти ежегодно ѣздилъ заграницу, а съ 1861 года поселился сначала въ Баденѣ, а потомъ въ Парижѣ, откуда изрѣдка и не на долго пріѣзжалъ въ Россію и, наконецъ, перевезенъ въ Буживаль, гдѣ и умеръ.

Изъ романовъ Тургенева выше всѣхъ «Дворянское гнѣздо», вышедшій въ свѣтъ въ 1857 г. Онъ упрочилъ литературную славу Тургенева и, къ сожалѣнію, надо сознаться, что послѣдовавшія за нимъ произведенія Ивана Сергѣевича «Дымъ» и «Новь» значительно уступаютъ во многихъ отношеніяхъ «Дворянскому гнѣзду», равно какъ и романамъ «Наканунѣ» 1860 г. и «Отцы и Дѣти» 1862 г.

Желающимъ прочесть рецензіи этихъ произведеній мы можемъ указать слѣдующія: «Дворянскаго гнѣзда»—критика Пятковскаго въ Ж. М. Н. П. 1859 г.; «Наканунѣ»—критика Басистова въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1862 г.; романа «Отцы и Дѣти» въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1861 года книга II и критика Дудышкина въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1861 года.

ГЛАВА IV.

Интимная и домашняя жизнь Тургенева. Госпожа Віардо-Гарсіа. Представленіе на виллѣ Тургенева сочиненной имъ оперы. Дочь Тургенева. Рѣчи гг. Базунова и Семевскаго. О подпискѣ на памятникъ Тургеневу.

Интимная жизнь Тургенева, къ сожалѣнію пока еще очень мало извѣстна и при всемъ желаніи мы не можемъ изложить ее съ желаемой и надлежащей полнотой. Важнѣйшимъ эпизодомъ этой жизни было знакомство Ивана Сергѣевича съ знаменитой пѣвицей Віардо-Гарсіа, произошедшее въ Петербургѣ, въ 1851 году. Тургеневъ, съ самаго начала знакомства, полюбилъ прекрасную пѣвицу, которая платила ему за его лестное расположеніе взаимностью и глубокой истинной дружбой, существовавшей постоянно до самой смерти Тургенева. Мать его справедливо говаривала ему, что онъ изъ числа *однолюбовъ,* т. е. людей, которые только однажды въ жизни могутъ любить истинно, глубоко, самотверженно и всю послѣдующую жизнь остаются вѣрными первой любви.

Въ семьѣ Віардо, Тургеневъ постоянно жилъ какъ родной. Г-жа Віардо-Гарсіа гостила и у него, въ имѣніи. Иванъ Сергѣевичъ купилъ, близь Баденъ-Бадена, прекрасную виллу, гдѣ г-жа Віардо-Гарсіа устраивала литературные, художественные и музыкальные вечера.

Тургеневъ сочинилъ по-французски оперу «Ogre. Conte de fée»; музыку для этой оперы написала г-жа Віардо-Гарсіа и сама исполняла главную женскую роль въ этой пьесѣ. Роль людоѣда исполнялъ Иванъ Сергѣе-

вичъ, говоря ее. На первомъ представленіи оперы, происходившемъ въ упомянутой нами виллѣ Тургенева, въ 1868 г., присутствовали: королева прусская, принцесса Марія Максиміліановна, великая герцогиня Баденская и много другихъ знатныхъ лицъ. На одномъ изъ послѣдующихъ представленій были императоръ Вильгельмъ и князь Бисмаркъ.

Впослѣдствіи Тургеневъ подарилъ эту виллу г-жѣ Віардо-Гарсіа, которая продала ее.

Въ Парижѣ Иванъ Сергѣевичъ жилъ въ домѣ г-жи Віардо въ двухъ комнаткахъ на антресоляхъ, среди самой скромной обстановки. Онъ менѣе всего распоряжался своимъ достояніемъ и даже личнымъ комфортомъ, что не мѣшало ему, однако, благотворить многимъ нуждающимся соотечественникамъ.

Намъ указывали, напримѣръ, на одного русскаго, оставшагося въ Парижѣ безъ всякаго имущества и безъ малѣйшихъ средствъ къ жизни. Иванъ Сергѣевичъ не только далъ ему сумму, необходимую для возвращенія того русскаго на родину, но подарилъ ему свое пальто и пледъ, такъ какъ наставали морозы, а молодой человѣкъ не имѣлъ теплой одежды.

Тургеневъ былъ чрезвычайно признателенъ г-жѣ Віардо-Гарсіа съ ея семьей, пріютившей нашего знаменитаго писателя, какъ роднаго; онъ жилъ едва ли не больше для этой семьи, чѣмъ для себя самаго: отдавалъ ей почти весь свой заработокъ, отдалъ ей свое состояніе.

Иванъ Сергѣевичъ никогда не былъ женатъ, но и онъ могъ повторить знаменитое изрѣченіе Горація: «Homo sum et nihil humanum a me alienum esse, puto», т. е. я человѣкъ и полагаю, что все человѣческое не чуждо мнѣ. Даже у самыхъ холодныхъ людей бываютъ въ молодости порывы страстности и надо имѣть чрез-

вычайно большую силу воли, чтобы всегда подчинять ихъ голосу холоднаго разсудка, никогда не позволить себѣ увлечься тѣмъ, что влечетъ насъ съ непонятной и непреодолимой силой къ послѣдствіямъ, которыя нерѣдко заставляютъ насъ раскаяваться...

Живя въ своемъ имѣніи, Иванъ Сергѣевичъ прельстился красотой одной изъ своихъ землячекъ, орловской крестьянки и результатомъ этого увлеченія была дочь. Иванъ Сергѣевичъ далъ этой дочери хорошее воспитаніе заграницей же и впослѣдствіи выдалъ ее за француза, имѣвшаго хорошее состояніе гдѣ-то на югѣ Франціи; но потомъ зять его потерялъ все состояніе и дочь Тургенева стала жить на средства своего отца.

24-го августа въ газетахъ напечатана была телеграмма, огорчившая всю Россію извѣстіемъ, что 23-го скончался въ Буживалѣ отъ рака въ спинномъ хребтѣ, послѣ мучительной болѣзни, продолжавшейся около года, И. С. Тургеневъ, до послѣдней минуты находившійся въ полномъ сознаніи. Въ тотъ же день состоялось экстренное засѣданіе городской думы, причемъ городской голова сказалъ слѣдующую рѣчь:

«Мм. Гг.! Вчера, 23-го августа, во Франціи, близь Парижа, скончался одинъ изъ самыхъ даровитыхъ современныхъ намъ русскихъ писателей, И. С. Тургеневъ, въ лицѣ котораго русское общество понесло невознаградимую потерю. Знаменитый авторъ всѣмъ извѣстныхъ «Записокъ Охотника» окончательное образованіе свое получилъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Лучшія повѣсти его написаны въ С.-Петербургѣ. Незадолго до своей смерти, онъ говорилъ русскимъ пріятелямъ своимъ, навѣстившимъ его, чтобы прахъ его былъ перевезенъ въ С.-Петербургъ и похороненъ на Волковомъ кладбищѣ. Мы, жители Петербурга, независимо отъ

всей Россіи, конечно, должны надлежащимъ образомъ почтить память покойнаго, почтить ее прежде всего вставаньемъ»...

Когда гласные, послѣ вставанія, снова заняли свои мѣста, М. И. Семевскій сдѣлалъ заявленіе слѣдующаго содержанія:

«Всѣ мы, здѣсь присутствующіе, съ глубочайшимъ прискорбіемъ выслушали сообщеніе почтеннаго предсѣдателя о роковомъ ударѣ, постигшемъ всю грамотную Россію, въ лицѣ безвременно умершаго нашего писателя, И. С. Тургенева. Да, Тургеневъ нашъ, какъ воспитанникъ С.-Петербургскаго университета, какъ писатель, громадное большинство превосходныхъ твореній котораго напечатано было въ петербургскихъ изданіяхъ».

«Воспитательное значеніе сочиненій И. С. Тургенева громадно: на нихъ возросло два поколѣнія русскаго общества и изъ среды перваго изъ сихъ поколѣній вышелъ тотъ рядъ самоотверженныхъ тружениковъ, которые первые откликнулись на призывъ незабвеннаго Государя-Освободителя и явились его сподвижниками въ преобразованіяхъ всего строя русскаго общества».

«Въ основу этихъ реформъ легло освобожденіе крестьянъ. Каждому памятно, что Тургеневъ, въ первыхъ же своихъ произведеніяхъ 40-хъ годовъ, велъ русское общество къ сознанію необходимости дарованія равныхъ правъ меньшимъ нашимъ братьямъ... Изъ поколѣнія воспитавшагося по сочиненіямъ Тургенева явились и первые дѣятели по созданію великаго акта 19 февраля 1861 г. и по его осуществленію».

Въ заключеніе, М. И. Семевскій сдѣлалъ слѣдующія предложенія, встрѣтившія полное сочувствіе, одобреніе и согласіе собранія: 1) по привозѣ праха И. С. Тургенева въ С.-Петербургъ, принять участіе чрезъ депутацію съ городскимъ головой въ отданіи послѣдней чести

усопшему; 2) въ С.-Петербургскомъ университетѣ учредить стипендію имени И. С. Тургенева, и 3) основать начальное училище въ С.-Петербургѣ въ память И. С. Тургенева.

Гг. Латкинъ и Михельсонъ предложили основать не одно, а два училища: одно для мальчиковъ, а другое для дѣвочекъ. Въ тотъ же день во многихъ изъ петербургскихъ учебныхъ заведеній совершены были панихиды по случаю кончины И. С. Тургенева.

Все это прекрасно, но недостаточно: нѣкоторые писатели, менѣе сдѣлавшіе для своего отечества, удостоились прекрасныхъ памятниковъ, такъ слѣдовало бы, не откладывая, приступить къ сбору пожертвованій на монументъ, достойный столь прекраснаго писателя, какимъ былъ И. С. Тургеневъ *). Въ настоящее время подписка несомнѣнно успѣшнѣе пошла бы, чѣмъ впослѣдствіи: мы не умѣемъ чувствовать наполовину, но скоро охладѣваемъ; я не хочу сказать этимъ, что подписка на памятникъ Тургенева не имѣла бы впослѣдствіи надлежащаго успѣха, но утверждаю лишь, что если она начнется скоро, то доставитъ сумму, нужную для сооруженія прекраснаго памятника, гораздо скорѣе, чѣмъ доставила бы въ томъ случаѣ, еслибъ ее начали по прошествіи... хоть нѣсколькихъ недѣль! Англичане даже за-живо воздвигаютъ статуи въ честь своихъ дѣятелей, какъ воздвигнули Гладстону, напримѣръ, а у насъ еще ничего не сдѣлано, чтобы почтить память человѣка, дѣятельность котораго была гораздо полезнѣе для Россіи, чѣмъ дѣятельность Гладстона для Англіи.

---

*) Пока печаталась эта краткая (по недостатку источниковъ) біографія, подписка началась и фотографъ Шапиро пожертвовалъ 400 большихъ и 50 малыхъ портретовъ Тургенева съ тѣмъ, чтобы вырученная за нихъ сумма употреблена была на памятникъ Тургеневу.

